

провести тривиальную операцию расчета удельного веса СССР по отношению к странам Запада по оцениваемым параметрам в исторической динамике вызывает у типичного отечественного либерала странную реакцию в виде сентенций о жестокостях сталинизма. Ему в данном случае предпочтительнее говорить не на языке статистики, а на языке художественных причитаний. Однако «патологии», как известно, имеют к науке весьма отдаленное отношение.

Важно не описание различий, а выявление их причин. Поиск такого рода причинных оснований может осуществляться в рамках двух методологических дискурсов: это подход Дж. Локка и подход Г. Лейбница. В основе локковского подхода — ситуативный анализ. Различия формируемы из современного конъюнктурного выбора. Лейбницевский подход — принципиально иной. Различия носят имманентный характер. Они не ситуативны, а парадигмальны. Происхождение различий фиксируются уже на периоде возникновения сравниваемых систем. При обращении к методологии лейбницевского подхода мы выходим на фактор средовых различий, связанных со спецификой цивилизации, — с территорией, климатом, менталитетом населения. Управление будет эффективным при адаптивной по отношению к ним стратегии развития.

Нет сфер жизни вне ответственности государства

*С.С. Сулакшин,
доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Сегодня обсуждались европейская и российская модели государственного управления. Задавая свой вопрос, я специально пытался поймать идею, что мы понимаем под моделью?

Что это такое за оболочка, что за форма, содержание которой можно было бы привязывать к отдельным государствам или ареалам и сравнивать их? Что за система координат, по которым можно было бы проводить это сравнение? Что это за классификационные признаки, которые могли бы формировать представление о модели? П.А. Федосов отчетливо сказал, что (это меня предельно удивляет) ввести такие признаки невозможно. Оппонируя основному докладу, он последовательно подтвердил, что критерии слишком размыты, слишком размыто воплощение, образы, облики, чтобы различить, что такое европейская модель, что такое российская модель государственного управления и почему бы их еще не сравнить, скажем, с бразильской моделью?

Мне кажется, что методологический подход к представлению оболочки, называемой моделью, существует. Он вытекает из смыслового содержания государственного управления — точнее даже, просто управления.

Управление — это классический набор операций, соответственно, операторов, характеристик и результатов. Первое — это формирование власти как органа управления. Второе — это разработка принятия управленческих решений. Третье — это исполнительная вертикаль. Четвертое — это контроль, надзор, обратные связи. Пятое — это ответственность, и шестое — эффективность всей системы. Вот те классификационные признаки, внутри системы которых можно сравнивать структуры, механизмы, процедуры.

Н.М. Казанцев сделал интересное замечание о том, что «там» есть административные суды, а у нас — нет. Если пойти по такому пути, то именно так и можно видеть либо разницу, либо сходство моделей.

Вердикт сделан таков, что разницы нет: Конституцию списали с американской и французской, многопартийность формально у нас существует, парламентаризм (разделение властей) — тоже, т. е. все оболочки есть. Но результат совершенно иной.

Качество управления, его результативность, тренды развития страны, по сравнению с ЕС, совершенно различны. В чем дело?

Здесь напрашивается вывод: в моделях государственного управления разница должна (!) быть для того именно, чтобы результат был сопоставим, с точки зрения качества управления и его результативности. В чем же должна быть эта разница? Разница в главном — в человеке, его ментальности, его поведении.

Я хотел бы поделиться некоторыми полученными нами результатами. Принципиально различна ценностная, мотивирующая матрица поведения в русско-российской цивилизации и в европейской. Как это касается вопроса о модели государственного управления и его результативности? А вот как. Различны мотивации труда: там — материальная, у нас — нематериальная. Различно отношение социума к потреблению, в отношении общественной активности, совершенно различны мотивации топ-менеджеров в крупных корпорациях, а также мотивации политического управления, и, наконец, различны сами конструкции, в результате чего различаются государственное и политическое устройство, но не по форме, а по итогу, по содержанию.

Каждая цивилизация эффективна только тогда, когда находит свои уникальные ответы на специфические условия, в которых она формировалась и существует. Управленческие ответы, как воплощение поведенческих пакетов в госуправлении, должны быть совершенно разными. Мы в работах Центра ввели многомерное пространство из цивилизационных ценностей и мотиваторов, причем специальными проверками выяснили, что их ровно 12, не больше и не меньше. Исторически они формировались уникальным для каждой цивилизации образом. Это российский случай, для Европы он другой. В итоге, мы получили специфические цивилизационные портреты в системе перечисленных мотивирующих поведение координат, и видим, что современный российский профиль отличен от европейского (рис. 1). Наша печаль заключается еще и в том, что такого

понимания нет и на высшем уровне. Это обреченность для государственного строительства, потому что оно ведется в стране на основании недостоверного посыла. «*Наши ценности — те же, что и у вас на Западе. Я не вижу больших различий... Разница с Россией заключается только в том, что мы большие, очень большие, и у нас есть атомное оружие. Просто неверно говорить: вот здесь есть единая Европа, в которой демократия уже сбылась, а там — мрачная, необразованная Россия, которую пока нельзя пускать в Европу.*» (Д. Медведев, интервью немецкому журналу «Шпигель», 07.11.2009). «*Россия — это неотъемлемая часть европейской цивилизации, ее культурные и духовные ценности — это и наши ценности. Народ России сделал свой исторический выбор, выбор в пользу демократии, открытости, свободы общественной и деловой инициативы. Это та основа, которая не может быть подвергнута ревизии. Это — главные ориентиры нашей стратегии.*» (С. Иванов, XI Петербургский международный экономический форум, 09.06.2007).

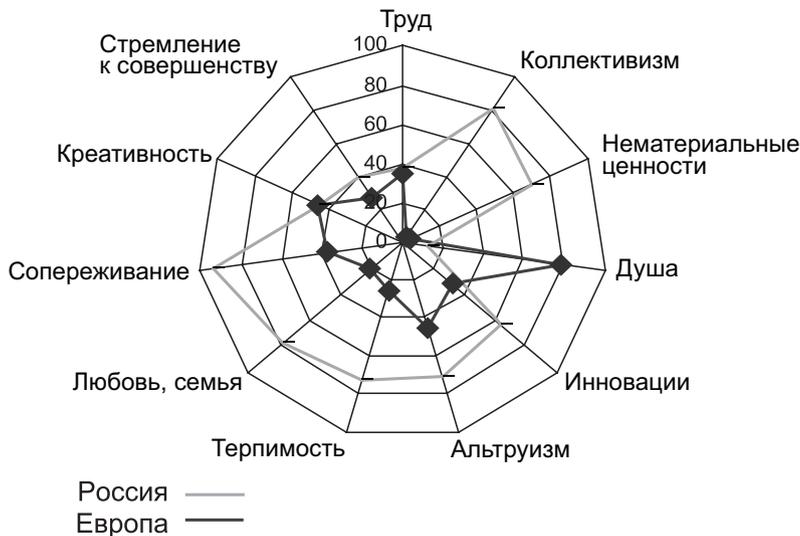

Рис. 1. Современные ценностные профили России и Европы как цивилизаций. Россия — это не Европа

Если посмотреть с этой точки зрения не только на российско-европейские различия, то их тоже можно увидеть. США с Европой практически идентичны (рис. 2), Китай — существенно иной, Индия — существенно иная, иные Япония (рис. 3), Латинская Америка, исламский ареал (рис. 2). Еще более интересно, как происходил цивилизационный генез по годам. На рис. 4 приведено синхронное в истории поведение композитного коэффициента жизнеспособности страны, в котором одним из ключевых компонентов является качество государственного управления и цивилизационной идентичности. На сегодня падает как цивилизационная идентичность, так и жизнеспособность страны, которая приближается к грани. Грань — это порог безопасности, за которым страна распадается. Порог был эмпирически зафиксирован в 1991 г., а раньше — в 1917 г.

Рис. 2. Цивилизационные профили США и Европы. Тождественность единой Западной цивилизации очевидна

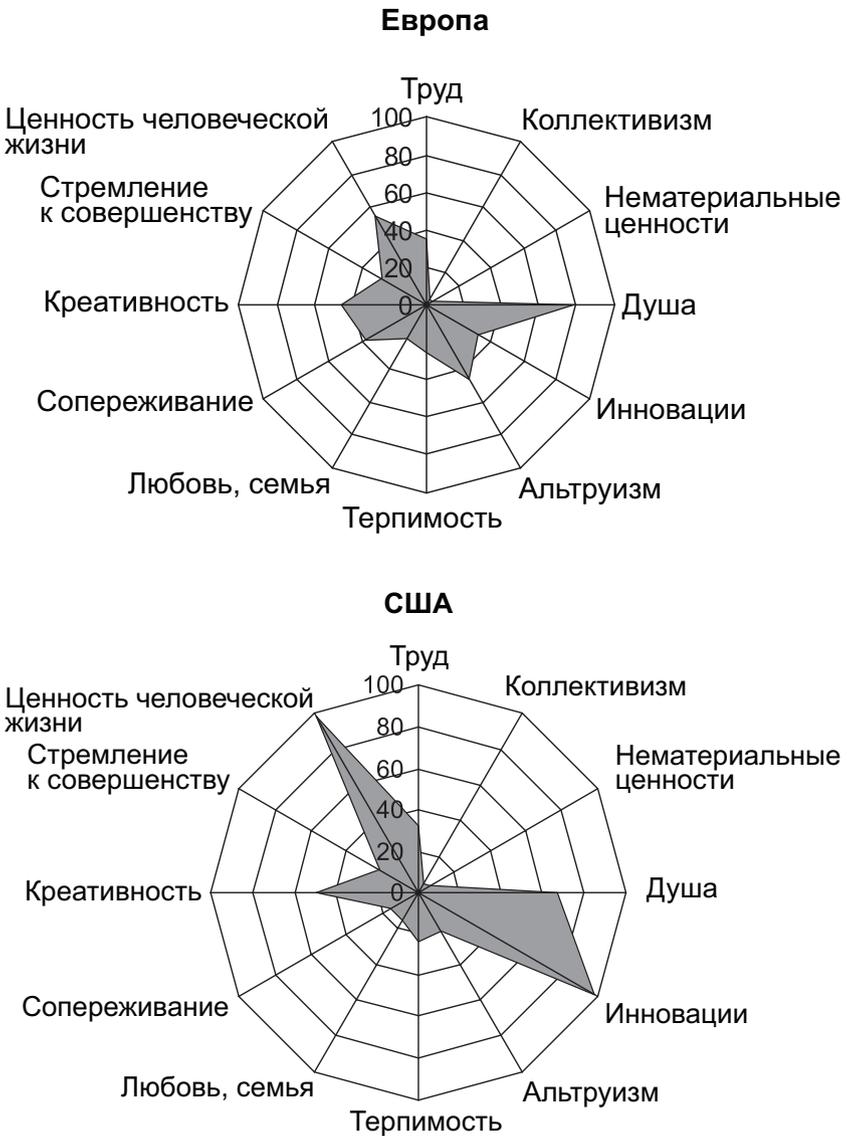

Рис. 3. Цивилизации отличны друг от друга в главном — в поведении людей

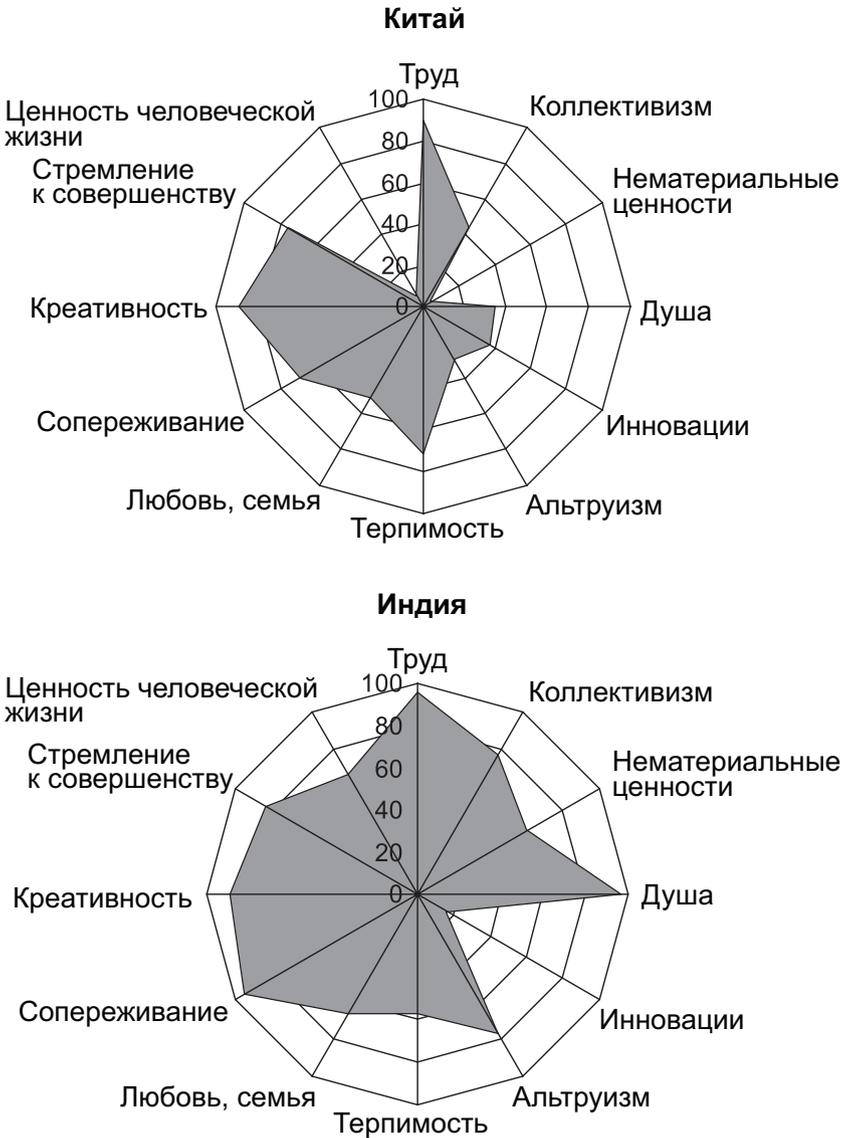

Рис. 3 (продолжение). Цивилизации отличны друг от друга в главном — в поведении людей

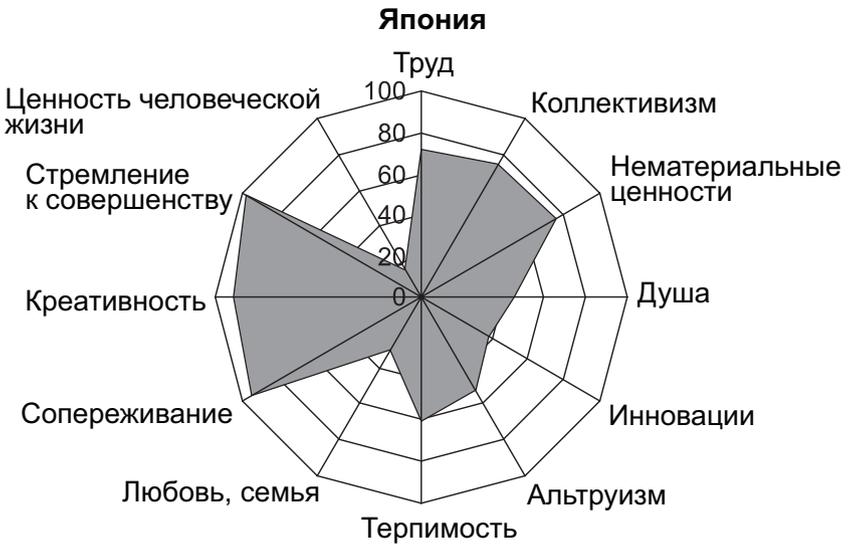
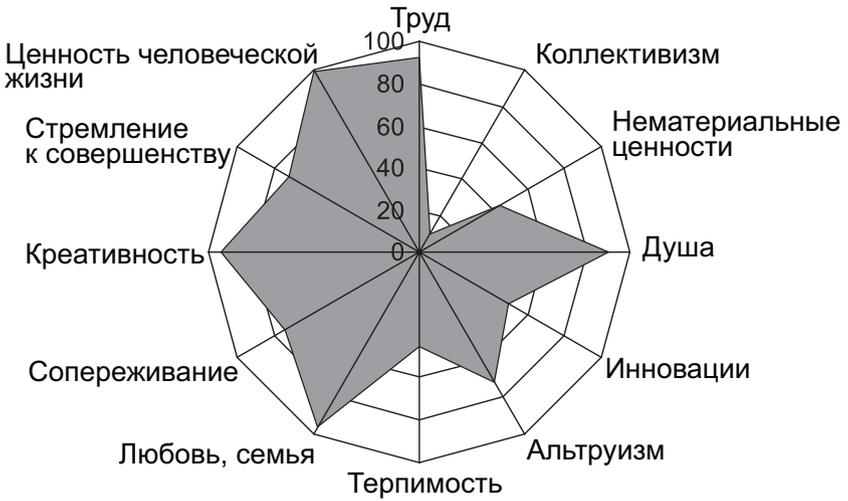

Рис. 3 (продолжение). Цивилизации отличны друг от друга в главном — в поведении людей

Исламские страны

Россия

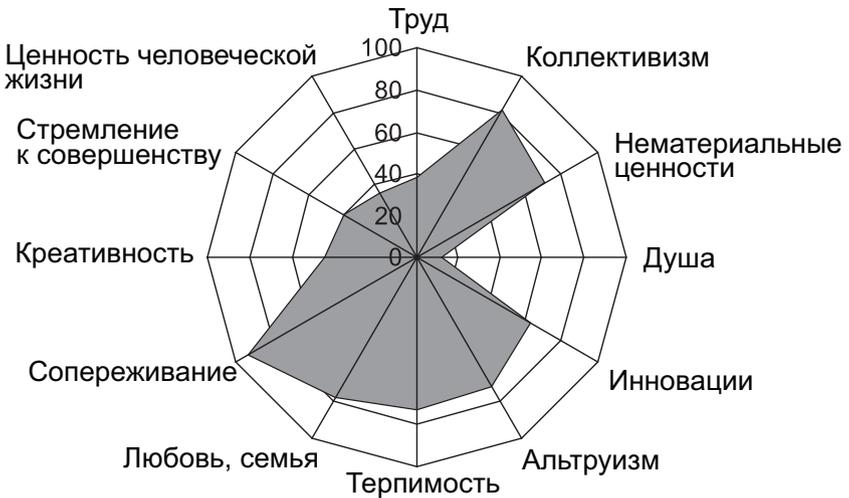

Рис. 3 (продолжение). Цивилизации отличны друг от друга в главном — в поведении людей

Рис. 4. Цивилизационная идентичность России является условием ее страновой жизнеспособности

Отсюда следует, применительно к обсуждаемой теме, парадоксальный вывод: для того, чтобы российское государственное управление было столь же эффективно по исполняемости публично заявляемых целей, которые классичны и неотличимы от любого государства, оболочка, система государственного управления должна быть настроена резонансно к российской идентичности. Она должна (!) отличаться от европейской, американской или иной модели.

В ходе дискуссии мы увидели, что различия не чувствуются, не фиксируются. Или же они настолько размыты, что их не существует. А вот это и есть диагноз! Это и есть ключ к необходимой модернизации модели государственного управления в стране. Самый интегративный облик этого ключа таков: управление должно быть идентичным российским цивилизационным особенностям, которые измеримы и связаны не только с историей Советского Союза, но и с историей России, и которые медленно меняются в историческом времени, и на них должна быть сориентирована соответствующая модернизация. Эти измерения осуществлены несколькими способами. Здесь есть метод сетевого интел-

лекта, который мы развиваем, а результаты верифицированы по ряду моделей. Это позволяет нам построить такую модель. По некоторым результатам существуют аналогичные иностранные исследования — в частности, результаты верифицировались по мировой базе данных World Values. В трудах Тойнби, Хантингтона мы увидели философские, отчасти трансцендентные слабину, после чего сделали шаг вперед и получили, на наш взгляд, очень результативный методологический научный инструмент.

Вывод: одинаковая по форме система управления должна быть отличной по содержанию для России. Эти отличия должны быть сориентированы на цивилизационную идентичность страны. Тогда государственное управление в России может стать более успешным.

Неприемлемость цивилизационных ограничений государственного управления

*А.И. Соловьев,
доктор политических наук*

Прежде всего, хочу обратить внимание коллег на то, что термин «модель» характеризует не формально-институциональную характеристику системы госрегулирования, а фактический режим применения государством власти и управления по отношению к социальным объектам, внешней среде. Таким образом, при описании этой грани госуправления неправомерно апеллировать только к нормам, законам, Конституции или, напротив, лишь к властно-попечительским центрам политического влияния. «Модель» отражает своеобразный, характерный для того или иного государства синтез власти и управления, политики и администрирования. Таким образом, и внутренняя структура у любой модели иная,